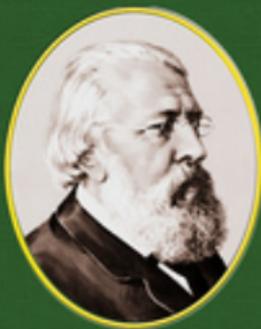

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

Заключительное слово «Русской Беседы»

«Мы приостанавливаем издание „Русской Беседы“. Несомненно убежденные в жизненности тех начал и воззрений, которых посильным выражением была „Русская Беседа“, – мы знаем, что ничто, конечно, не удержит их хода; но тем не менее, с тяжелым чувством расстаемся, хотя и на время, с нашею журнальною деятельностью. Нам дорого было это периодически раздававшееся печатное слово, это дружное и гласное служение нашей народности; мы свято чтим наше литературное знамя, знамя народного самосознания во всех областях жизни и духа; нам жаль нашего прерванного труда...»

Иван Сергеевич Аксаков
Заключительное слово
«Русской Беседы»

Мы приостанавливаем издание «Русской Беседы». Несомненно убежденные в жизненности тех начал и воззрений, которых посылным выражением была «Русская Беседа», — мы знаем, что ничто, конечно, не удержит их хода; но тем не менее, с тяжелым чувством расстаемся, хотя и на время, с нашею журнальною деятельностью. Нам дорого было это периодически издававшееся печатное слово, это дружное и гласное служение нашей народности; мы свято чтим наше литературное знамя, знамя народного самосознания во всех областях жизни и духа; нам жаль нашего прерванного труда.

Многие из наших главных сотрудников должны были оставить свою литературную деятельность для деятельности иной, неотложной, животрепещущей. Сам издатель в течение всего истекающего года не имел никакой возможности заняться своим журналом. Только благодаря заботам и трудам одного из сотрудников, принявшего на себя не официальную, а нравственную ответственность издания, могла «Русская Беседа» появиться во все положенные шесть сроков, и появилась

книгами богатыми, как нам кажется, не по одному числу листов, но и по внутреннему содержанию. Будучи лишен возможности и в наступающем 1860 г. посвятить себя делу редакции, издатель ходатайствовал о передаче «Русской Беседы» упомянутому сотруднику; по причинам, совершенно не зависящим от них обоих, такая передача не могла состояться: продолжать же издание журнала одному под именем другого – неудобно, не столько в официальном, сколько в литературном и нравственном отношении.

Сходя с журнального поприща, мы невольно окидываем взглядом пройденное нами пространство и невольно требуем от себя отчета – полезно ли, плодотворно ли было наше литературное дело. Пусть решит это окончательно сам беспристрастный читатель, но кажется нам, что труды наши были не напрасны, что журнал наш был и полезен и нужен.

Не так сходим мы теперь с журнального поля, как вступали на него в первый раз, в 1856 году. Оставляя в стороне вопрос о личном успехе нашего издания, мы с истинною радостью видим, что многие мысли, за кото-

рые так горячо ратовала «Русская Беседа», сделались ныне уже общим достоянием. В этом свидетельстве едва ли могут отказать нам не только добросовестные, но и недобросовестные из наших противников. Но если бы и не захотели некоторые из них, ради мелочного самолюбия, отдать справедливость убеждениям, неизменно твердым, с которыми «Беседа» начала и окончила свое поприще, – для нас во всяком случае важно не столько признание личных заслуг «Беседы», сколько прочный успех и всеобщее водворение ее заветных убеждений. Встреченные насмешками, колкостями и бранью, мы не сделали никаких уступок, – и постепенно умолкли насмешки и улеглись нападения. Кажется, мы не ошибемся, если скажем, что ныне оставляем за собою след уважения и даже сочувствия, если не лично к нашему журналу, то к нашему литературному знамени.

Что же именно сделали мы в эти четыре года? Где же доказательство успеха самой идеи? Мы, конечно, не станем рассказывать здесь содержание всех толстых 18 томов «Русской Беседы» и с лишком 4 томов «Сельского

Благоустройства», но да позволено будет нам указать в немногих словах на те собственно вопросы, решение по которым, кажется нам, уже перешло в общественное сознание.

Читатель помнит, какую бурю против нас возбудило в 1856 г. мнение «Русской Беседы» о народности в науке. Этот вопрос является теперь совершенно решенным, и решенным положительно. Мы даже недавно прочли статью одного нашего почтенного ученого, всегда принадлежавшего к числу наших оппонентов, статью, в которой требование народности доведено до крайних ее пределов[1]. Тем более чести тем, которые умеют открыто отказаться от своих прежних, так долго отстаиваемых, воззрений, как скоро сознали их ошибочность. Вопрос о народности в науке вовсе не так мало важен, как хотят думать некоторые: он возвращает нас из духовного плена к независимости мысли, он избавляет нас от подобострастного поклонения авторитетам науки западной, дает нам право оценить их высокие заслуги в качестве самостоятельных и свободных ценителей, делает из нас не подражателей, но народно-самостоя-

тельных деятелей общечеловеческой науки, делает из нас – иногда противников, иногда друзей Запада, но уже никогда – рабов.

Вопрос об общинном устройстве, основанном на общинном землевладении и охраняемом извне круговым ручательством, вызвал против нас грозные выходки со стороны безусловных поклонников западной экономической науки, долго отрицавших самый исторический факт существования в народе этого коренного начала его жизни. Но и признавши историческое существование, в чем не винили провозглашенное нами «варварское начало народного быта»! – «Беседа» и «Сельское Благоустройство» неутомимо трудились над разъяснением сущности этого явления из русской и всеславянской истории и жизни; явления, – имеющего громадную будущность; не только не противоречащего требованиям здраво понятой науки, но предназначенного внести новое воззрение и произвести совершенный переворот в политической экономике, как она сложилась доселе на Западе. Положение это теперь, более или менее, уже принято некоторыми из главных наших пе-

риодических изданий. По крайней мере недавно одно из них, наиболее распространенное в России, свидетельствовало гласно, что вопрос об общинном землевладении уже положительно разрешен в литературе[2]. Конечно, еще есть много разногласий в частностях, но подождем терпеливо, и заявленное «Беседою», но принадлежащее народу начало возрастет, окрепнет и осенит собою всю русскую землю. Уже и теперь многие, а со временем и все сознают, что только общинное устройство может дать народу самостоятельность жизни, что только оно одно в состоянии доставить всему крестьянству благо землевладения и наибольшее, по возможности, общее благосостояние, и что, кроме круговой поруки, ничто не в силах оградить общественный быт крестьянства от вмешательства в него власти внешней.

Мысль об освобождении крестьян с землею, необходимо истекающая из изучения народного русского быта, печатно впервые была заявлена в «Беседе» (№ IV, 1857). Разработке и распространению этой великой истины был посвящен особый отдел «Беседы»: «Сельское

Благоустройство». Глубоко сожалеем, что обстоятельства, от Редакции не зависящие, заставили прекратить издание в то самое время, когда вопрос вступал в период самого полного своего развития, – но утешаемся мыслью, что деятельность наша имела исторически-практическую важность и была оценена всеми, кому дорог успех крестьянского дела.

Давно ли славянский вопрос считался вопросом мертвым и теоретической бредней? Давно ли один из журналов насмешливо уступал г. Гильфердингу сочувствие всех славян, от Балтики до Адриатического моря? Но обстоятельства изменились, и, к счастью наших угнетенных братии, – они могут встретить теперь выражение сочувствия и не в одном только нашем журнале. Конечно, не «Русской Беседе» первой принадлежит честь установления умственного и литературного общения с славянскими племенами, честь эта, бесспорно, принадлежит М. П. Погодину, – но думаем, никто не станет отрицать то важное общественное значение, которое имело для славян существование собственно «Русской Беседы» и о котором громко свиде-

тельствуют и Белград, и Загреб, и Тернов, и Прага? Нам удалось возвести славянский вопрос из области археологического интереса в область живого, деятельного сочувствия и оживить умственное движение в кругу наших литературных славянских собратий. Обстоятельства, от нас не зависящие, помешали нам расширить круг наших сношений и устроить при «Русской Беседе» столь нужную для русских и для славян, Славянскую контору; но и за то малое, что сделано нами, заплатили нам горячим сочувствием наши страждущие единоплеменники. Мы знаем, что прекращение «Беседы» отзовется особенно прискорбно во всех славянских землях Австрии и Турции, – но мы просим наших братьев-славян не смущаться, во-первых, потому, что теперь многие, даже из наших петербургских газет и журналов, допускают на своих страницах статьи по славянскому вопросу и выражают сочувствие к славянской народности (дай Бог, чтобы это сочувствие привело их наконец и к полному сочувствию народности русской); а, во-вторых, потому, что мы только на время приостанавливаем нашу деятельность

и надеемся, в этот промежуток, запастись большими средствами для нового деятельного служения славянскому интересу.

Мы рады, что успели, кажется, рассеять ложные понятия, какие существовали у нас и у славян о русском панславизме, и убедили наших братья, что сочувствие наше чуждо посягательства на их самостоятельное развитие; признание прав на самобытность каждой славянской народности было всегда девизом русского славянофильства.

Смеем думать, что и в области философии, истории и филологии – «Русская Беседа» представила немаловажные образцы самостоятельной, независимой, своеобразной русской мысли.

Считаем обязанностью изъяснить нашу глубокую признательность как подписчикам, большею частью не изменявшимся из года в год и поддерживавшим нас своим сочувствием во все время четырехлетней нашей деятельности, так и сотрудникам, мужественно разделявшим с нами все наши невзгоды и смело подставлявшим свои труды под удары – большею частью неблагоприятной и

предубежденной критики.

Мы, во всяком случае, надеемся, что в наступающем же 1860 году от имени ли издателя «Русской Беседы», или кого-либо из наших сотрудников, будут изданы отдельные сборники.

Да, наша деятельность, кажется нам, была не совсем бесполезна. Мы уверены, что остающиеся на журнальной арене деятели будут продолжать разработку тех мыслей и положений, которые внесены «Беседою» в умственную жизнь русского общества, и что возвратившись в журнальное поприще, мы найдем уже не столько как прежде противников – в общем деле нашего народного самосознания.

Примечания

Юридические Записки, т. III, статья г. Редкина «Обзорение юридической литературы». Г. Редкий доказывает необходимость разработки истории римского права с самостоятельно русской точки зрения, русской науки римского права.

[^^^]

Русский Вестник. № 20. Современная летопись. С. 418.

[^^^]